

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

На манеру принца Фридриха Карла держать себя со своими частями войскъ и съ ихъ начальниками нельзя смотрѣть просто, какъ на его поведеніе по отношенію къ нимъ, говорилъ Мих. Ив. Драгомировъ;—то была добрая часть цѣлой системы воспитанія войскъ.

Еще Фридрихъ Великій—это образецъ „во всемъ всего“ для пруссаковъ, а затѣмъ и для нѣмцевъ вообще, въ числѣ прочихъ приемовъ, придерживался съ особой строгостью именно „этого способа знакомства съ войсками и рекомендованія себя имъ“. Онъ этимъ путемъ узнавалъ каждаго командира, каждаго начальника, каждаго офицера, а они, еще тверже въ его лицѣ, усваивали предъявляющіяся къ нимъ требованія.

Для него въ этомъ относительно намѣченныхъ избранныхъ имъ лицъ была гарантія ихъ доблестнаго поведенія въ бояхъ, а также веденія ими своихъ частей и въ мирное время и въ дѣлахъ; они же, т. е. наиболѣе совершенные изъ нихъ, въ этомъ твердомъ знакомствѣ со своимъ шефомъ, черпали для себя увѣренность въ непоколебимости своего положенія; эта увѣренность развязывала имъ руки.

Во всемъ этомъ виденъ рядъ благодѣтельной „несмѣняемости“, широко примѣняемой и примѣняемой именно въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ довѣріе является наиболѣе важнымъ; эта несмѣняемость, какъ спутница вѣры въ полную во всемъ добросовѣстность тѣхъ, кому она дана, вызывала для пруссаковъ колоссальные успѣхи на войнѣ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1911 г.

Честь и слава Фридриху Великому въ томъ, что онъ, заставъ эту систему въ своей арміи, неуклонно слѣдовалъ и усиленно развивалъ ее; честь и слава всѣмъ тѣмъ военачальникамъ, которые, послѣ многихъ лѣтъ вынужденнаго отдыха прусскаго оружія,—при обнаружившейся необходимости новаго обнаженія меча, не забыли прежде всего крѣпко ухватиться за этотъ способъ, за эту систему.— Они такимъ образомъ содѣйствовали тому, что вложенный послѣ Наполеоновскихъ громовъ мечъ не остался на всегда заржавленнымъ и притупленнымъ.—Такъ какъ во главѣ ихъ, дѣйствуя прямо или косвенно, находился принцъ Фридрихъ-Карлъ, то ему прусская, а впослѣдствіи и вся ново-германская, армія второй половины XIX вѣка больше всего обязана своею непобѣдимостью.

Нравственный элементъ—главное условіе побѣдоносности всякой арміи—стоитъ высоко, если начальники частей имѣютъ возможность твердо держаться на пути самоувѣренности; а все, что принцъ Фридрихъ-Карлъ предпринималъ для блага фатерландской арміи, съ одной стороны именно рождало эту благодѣтельную самоувѣренность, а съ другой просѣивало и удерживало въ арміи, для ея блага высшихъ чиновъ, полныхъ этой здоровой самоувѣренности, которая у нихъ всегда была приправлена отмѣнно тонкой дисциплиной.

* * *

Сопоставляя съ перечисленными въ этомъ очеркѣ талантливыми военачальниками другихъ генераловъ, М. И. Драгомировъ въ особенности часто останавливался на Фойгтсъ-Рецъ и на Штейнмецъ.

О первомъ изъ нихъ, кромѣ высказаннаго вообще по поводу его способностей образа мыслей, особаго отношенія къ нашему отечеству, положенія, занимавшагося имъ въ арміи и при дворѣ ¹⁾, а также о роли, выполненной имъ въ моментъ, предшествовавшей Хлумъ-Кенигсгрецкой развязкѣ этой, совершенно особенной войны ²⁾,— М. И. всегда подчеркивалъ крайнее разнообразіе его талантовъ; управляя въ теченіе многихъ лѣтъ департаментомъ общихъ дѣлъ военнаго министерства, этотъ генералъ провелъ массу преобразованій, благодѣтельно отозвавшихся на строе и бытѣ арміи; кромѣ того его громадная заслуга, ощущавшаяся во всѣхъ войнахъ Вильгельма—введеніе и усовершенствованіе особой системы военныхъ развѣдокъ; на него, въ ранней его молодости это дѣло было возложено еще во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ военнымъ министромъ барономъ (впослѣдствіи графъ) Врангелемъ,—предмѣстникомъ Фонъ-Роона и въ его вѣдѣніи оставалось вплоть до франко-

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ декабрь 1910 г., стран. 617 и 618.

²⁾ См. „Русск. Стар.“ январь 1911 г., стран. 226.

германской войны;—разработавъ эту систему въ мельчайшихъ подробностяхъ, онъ явился создателемъ ея, онъ же настойчиво и энергично проводилъ ее, заставляя армію, какъ говорилъ М. Ив., сродниться съ нею, проникнуться, пропитаться ею. Кому не извѣстна развѣдочная и сторожевая бдительность, проявлявшаяся прусской арміей во всѣхъ тѣхъ войнахъ. Рекогносцировочно-развѣдывательной системѣ Фойгтсъ-Реца она была обязана въ тысячахъ важныхъ случаевъ, а одинъ изъ нихъ стоитъ громадной массы ихъ: всѣ помнятъ, какая была подчеркнута на военномъ совѣтѣ, собранномъ передъ Кенигсгредомъ, проявленная Фойгтсъ-Рецомъ энергичная настойчивость относительно того, чтобы армія кронпринца была, во что бы то ни стало, притянута къ Хлумъ-Липо-Кенигсгрецкой позиціи; не простыя военныя соображенія талантливаго генерала толкали его на такую изъ ряда вонъ выходившую настойчивость; онъ былъ подвинутъ на нее самыми полученными имъ точными свѣдѣніями, которыя съ необыкновеннымъ искусствомъ были собраны о малѣйшихъ деталяхъ всего происходившаго въ тѣ минуты въ томъ пунктѣ австро-саксонской арміи. Въ одинъ голосъ всѣ признавали и твердили: прусская армія пожалала въ тотъ счастливый день то, что Фойгтсъ-Рецъ много лѣтъ сѣялъ. Дѣйствительно выработанные и усвоенные способы наблюдательности оказали въ тотъ день сверхъестественную услугу пруссакамъ.

Не разъ Мих. Ив. подробно рассказывалъ о созданной Фойгтсъ-Рецомъ системѣ, давшей цѣлую школу; воспроизведенія этихъ его рассказовъ можно было бы ожидать на страницахъ спеціально военного журнала; здѣсь же, среди его воспоминаній частнаго характера, нѣтъ мѣста этимъ свѣдѣніямъ. — Достаточно вспомнить о томъ, что Мих. Ив. Драгомировъ всесторонне подчеркивалъ роль, выпавшую на долю этого талантливаго пруссака въ Хлумскій день, столь славно завершившій кампанію, подвергшій въ изумленіе всю Европу и заставившій ее восторженуться.

* * *

Нельзя не остановиться, также съ нѣкоторыми подробностями, на отзывахъ и рассказахъ М. И. Драгомирова о Штейнмецѣ. Слыша отдѣльные рассказы изъ жизни этого генерала, онъ любопытно ствовалъ разузнать подробности его біографіи и нерѣдко приводилъ изъ нея выдержки, какъ представляющіяся, по его словамъ, крайне поучительными для каждаго военного и назидательными для военныхъ школьникова. Объ этомъ генералѣ онъ всегда говорилъ, какъ о генералѣ совершенно особаго типа,—такого, какой всегда, для всякой арміи очень желателенъ и большой находкой оказался бы среди генераловъ нашей арміи, а въ ней, какъ изстари богатой ге-

роями, онъ несомнѣнно могъ бы не только явиться, но легко развиться.

— Чувства мои къ нѣмцу вообще извѣстны, говаривалъ Мих. Ив.; а между тѣмъ, когда я рассказываю объ нѣкоторыхъ изъ Тевтоновъ, касаясь ихъ способностей, дѣяній, а также полной и умѣлой ихъ подготовленности для дѣла чисто военнаго, ими всегда облюбованнаго,—можетъ казаться, что я къ нимъ питаю особое благо-расположеніе и повѣствую о нихъ съ пристрастіемъ. — Ни любви, ни расположенія выскрывать не приходится, а что касается пристрастія, то конечно мнѣ его въ противную сторону остерегаться приходится. Могу однако съ глубокимъ убѣжденіемъ сказать, что ни въ ту, ни въ другую сторону пристрастнаго ничего не проявляю; къ этому могу смѣло добавить, что не проявляю ни по отношенію къ пруссакамъ, ни по адресу австрійцевъ; первыхъ приходится мнѣ не рѣдко дарить пріятною для нихъ самихъ оцѣнкою ихъ всестороннихъ военныхъ достоинствъ, а о послѣднихъ нѣтъ-нѣтъ, да въ простомъ разказѣ можетъ проскользнуть что-либо подобное осужденію, какъ тщательно ни старался бы я его избѣгать.

Война 1866 года застала Штейнмеца на 71-мъ году ¹⁾ его жизни во главѣ V-го, армейскаго корпуса въ I-ой арміи, которою командовалъ принцъ Фридрихъ-Карлъ.

До этого почтеннаго возраста ему посчастливилось сохраниться въ такой степени, въ какой вообще люди его достатка, его труда и среды рѣдко сохраняются даже къ 50-ти годамъ,—до такой степени онъ поражалъ всѣхъ своею кипучею дѣятельностью, исключительною энергіей и поистинѣ желѣзною настойчивостью характера во всякихъ дѣлахъ. При первомъ знакомствѣ съ нимъ, я, говорилъ М. И., положительно имъ залюбовался и заслушался его; краснорѣчивый, величественный, сѣдой, какъ лунь, съ львиной гривой, весь громадный, онъ много напоминалъ нашего героя Алексѣя Петровича Ермолова, который, думается мнѣ, при всей своей извѣстной, отборной ненависти ко всему швабскому, не погнушался бы ни этимъ сравненіемъ, ни такимъ сходствомъ.

Въ довершеніе всего, Штейнмецъ гордился тѣмъ, что владѣлъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ, въ тѣ времена это была большая рѣдкость.—По словамъ графа В. П. Голенищева-Кутузова сухой нѣмецъ этотъ, начавъ понемногу самоучкой читать сначала русскія газеты, а потомъ легкіе рассказы, увлекся красотами Пушкин-

¹⁾ Генераль Карлъ-Фридрихъ фонъ Штейнмецъ родился 15 декабря 1796-го года; десяти лѣтъ онъ былъ отданъ своимъ отцомъ въ Кульмскій кадетскій корпусъ, въ которомъ обучался до 17-ти лѣтняго возраста.

скаго языка и изучилъ его со свойственной его націи добросовѣстностью. Съ перваго взгляда на него и съ первыхъ услышанныхъ отъ него словъ можно было, между прочимъ прямо придти къ убѣжденію, что онъ ничего не искалъ и не добивался во взглядахъ другихъ людей на него; всякое мнѣніе о немъ было для него дѣломъ пустымъ, а вообще онъ выказывалъ предпочтеніе скорѣй тому, чтобы его боялись, чѣмъ тому, чтобы любили.—Онъ былъ заклятый врагъ всякаго популярничанья и не разъ говорилъ, что готовъ былъ бы многое простить Бонапарту послѣ того, какъ прочелъ въ его сочиненіи объ Юліи Цезарѣ нападки на страсть этого великаго римскаго гражданина диктатора Императора къ исканію популярности.

* * *

Въ 1813-мъ году Штейнмецъ, портупей-юнкеръ Кульмскаго кадетскаго корпуса, былъ отправленъ на службу въ первый гв. полкъ, находившійся въ составѣ дѣйствовавшей противъ полчищъ Наполеона арміи; прибывъ въ свою часть въ Бреславль, онъ, въ одномъ изъ первыхъ боевъ, получилъ офицерскій чинъ; въ теченіе 13 и 14 годовъ онъ былъ нѣсколько разъ раненъ, а за отличіе въ сраженіи при Лаонѣ и Парижѣ получилъ желѣзный крестъ, учрежденный тогда королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III (отцомъ Вильгельма). Впослѣдствіи онъ командовалъ гв. рез. батальономъ и съ нимъ, во время уличныхъ схватокъ 1848 г. въ Берлинѣ, взялъ штурмомъ сильно укрѣпленную и вооруженную баррикаду.—По объявленіи Датской войны въ 1848 г. онъ командовалъ 2 гв. корол. полкомъ; слава этого полка гремѣла въ теченіе всей кампаніи, а особенно полкъ отличился близъ Магдебурга при Дюпелѣ (см. ниже). Въ 1849 году онъ, съ полубатальономъ своего полка обезоружилъ и арестовалъ четырехбатальонный полкъ Берлинскаго ландвера.

По всей прусской арміи были во время войны 1866 года разсѣяны офицеры, которые за особую честь считали вспоминать время нахождения своего на школьной скамьѣ въ Берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, когда директоромъ его состоялъ Штейнмецъ; въ арміи же съ особымъ уваженіемъ указывали на бывшихъ питомцевъ Штейнмеца—они, какъ говорилось тогда, имѣли совершенно особый стальной закалъ, которымъ обязаны были лично своему директору. Вездѣ и всегда онъ славился необыкновенною твердостью.

Много разъ случалось слышать въ арміи рассказъ о томъ, какъ онъ, будучи комендантомъ въ Касселѣ, во главѣ съ одной еде набранной, какъ говорится съ сосенки да съ бору, ротой ворвался въ вооруженную толпу нѣсколькихъ тысячъ возмущившихся солдатъ,

рабочихъ, горожанъ, крестьянъ и, среди громадной опасности быть взорваннымъ вмѣстѣ со складами горючаго матеріала и взрывчатыхъ веществъ,—отнялъ у этихъ бунтарей возможность увезти забранныя ими артиллерійскія орудія съ обозомъ, со снарядами и съ казной.

Послѣ столь разнообразной службы, ген. фонъ-Штейнмецъ, прокомандовавъ нѣсколько лѣтъ дивизіей, получилъ въ 1864-мъ году II-й арм. корпусъ, а затѣмъ вскорѣ V-й. Вся прусская армія считала за непреложное, что если ходомъ боевъ и передвиженіями арміи въ теченіе конца кампаніи 1866 года содѣйствовали чудовищно успѣшному исходу ея, кромѣ наиболѣе высокихъ чиновъ, т. е. самого короля Вильгельма, Мольтке, наслѣднаго принца Фридриха-Карла, еще фонъ-Роонъ, Блументаль, Фойгтсъ-Рецъ, и другіе, то не менѣе того, громадная заслуга энергичнаго содѣйствія именно такому исходу должна быть засчитана за ген. Штейнмecemъ: 15-го іюня подъ Находомъ, 16-го подъ Скалицемъ и 17-го подъ Швейншеделемъ онъ, въ главѣ своего V-го корпуса, неустанно сражался, какъ освирѣпѣлый левъ и въ теченіе трехъ сутокъ разбилъ три непріятельскихъ корпуса; послѣ этого уже все повернулось для арміи Вильгельма такъ, что австро-саксонскія войска начали повсемѣстно усиленно и спѣшно уходить отъ прусскихъ отрядовъ, полковъ, дивизій и корпусовъ.

Отдавая себѣ отчетъ въ дальнѣйшихъ, со времени трехдневнаго штейнмецкаго триумфа, событіяхъ, послѣ наступившаго сравнительно скоро конца кампаніи, можно было сказать, что такой исходъ надлежало предвидѣть со дня швейншедельскаго боя; а если Кёнигсгрецъ явился неожиданностью, то лишь потому, что скромность, овладѣвшая тогда пруссаками, не давала развитія увѣренности, которую многіе въ душѣ склонны были бы счесть за простое бахвальство. Проще сказать, надѣялись и не рѣшались вѣрить въ счастье; въ кружкахъ генеральнаго штаба всѣ носились съ затаенно созрѣвшею увѣренностью, какъ съ драгоцѣнною хрупкою ажурною фарфоровою вещицею, боясь разбить ее; благодаря Бога, не долго пришлось ее таять.

Мольтке и окружавшіе его не сомнѣвались въ томъ, что ударъ, нанесенный корпусомъ Штейнмеца австрійцамъ уже при Находѣ и при Скалицѣ, какъ обозначившійся окончательно, явился рѣшительнымъ и что послѣ того „наступило начало конца“, но у нихъ не хватало силы въ этомъ сознаться, а главное рѣшиться объ этомъ до поры до времени даже громко произносить.

Не даромъ по настоятельному требованію Мольтке разстроенныя, усталыя, обезсиленныя мощными побѣдами, войска V-го корпуса

были двинуты съ героемъ-командиромъ во главѣ, за наслѣднымъ принцемъ; имъ подобало участвовать въ окончательной развязкѣ своего же подвига. — Штейнмецъ пришелъ къ Хлуму вслѣдъ за кронпринцемъ, но въ бой вступить ему не оказалось возможнымъ; довольно того, что онъ посмотрѣлъ, полюбовался, какъ результаты подвиговъ его геройскихъ войскъ ярко выказались 3 іюля уже при участіи героевъ этого дня.

Возложивъ на генер. Штейнмеца послѣ Кёнигсгрецкаго сраженія орденъ Чернаго Орла, король Вильгельмъ кромѣ того поразилъ армію пожалованіемъ ему полумилліона талеровъ ¹⁾; при этомъ по поводу побѣдъ 15-го, 16-го и 17-го іюня, онъ сказалъ: Пруссія ничѣмъ не могла бы купить такихъ трехъ дней; награда, которую я вамъ даю, является каплей въ морѣ по сравненію съ вашимъ гигантскимъ подвигомъ.

Эта необычайная, граничащая съ расточительностью, щедрость короля была проявлена имъ благодаря, похожей на совѣтъ, просьбѣ кронпринца, который, какъ и всѣ въ арміи, высоко ставилъ необычайную, чудодѣйственную заслугу старика; кстати онъ зналъ, что матеріальные достатки Штейнмеца были далеко не въ блестящемъ состояніи.

М. И. Драгомировъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ личной распорядительности ген. Штейнмеца въ теченіе тѣхъ трехъ дней, во время которыхъ мощный старикъ раздавилъ три корпуса, отщепленные войсками принца Фридриха-Карла отъ остальной части австро-германской арміи и предоставленные, по личному выбору принца, V-му армейскому корпусу.

Генерала Драгомирова въ особенности поразилъ успѣхъ, выпавшій на долю корпуса 16-го числа,—при Скалицѣ: позиціи тамъ такія, что названіе мѣстечка вполне оправдывается,—это сплошныя недоступнѣйшія скалы, на которыхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ были австрійцами расположены и сильно заняты, прочно построенныя укрѣпленія.

* * *

— Вскорѣ послѣ Кёнигсгрецкаго боя довелось мнѣ, рассказывать М. И., провести нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ со Штейнмецемъ, при чемъ я, выражая ему удивленіе по поводу видѣннаго мною, высказалъ, что не разъ задавалъ себѣ вопросъ,—какимъ образомъ могли имѣть успѣхъ атаки этой удивительной позиціи?

— Эти вещи удаются просто, отвѣтилъ Штейнмецъ: посланные

¹⁾ Соотвѣтственно нынѣшней германской монетной системѣ это составляло болѣе милліона теперешнихъ марокъ.

въ атаку части, въ случаѣ неудачи, посылаются вновь и посылаются до тѣхъ поръ, пока не дадутъ полного успѣха.

— Неужели же въ такихъ случаяхъ не является нужды смѣнять атакующія части?

— Какъ! смѣнять!! съ азартомъ воскликнулъ Штейнмецъ; затѣмъ, какъ бы спохватившись, добавилъ спокойнымъ тономъ: нѣтъ, смѣнѣ въ такихъ случаяхъ не можетъ быть мѣста. Нельзя не признаться въ томъ, что человѣкъ всегда остается человѣкомъ, а люди остаются людьми при всевозможныхъ обстоятельствахъ; если атаковавшая часть, въ случаѣ неудачи, замѣнена другою, другая видитъ, что именно произошло, и изъ берущихся при такихъ условіяхъ, т. е. видѣвшихъ это новыхъ десяти частей, девять безъ уговора, безъ соглашенія, инстинктивно поторопятся сбыть атаку такъ, чтобы скорѣе дождаться въ свою очередь смѣны; нѣтъ, часть, попавшая въ атаку, должна оставаться въ ней до конца дѣла;—когда ей это извѣстно и извѣстно, что это соблюдается неизмѣнно твердо, результатъ можетъ явиться только одинъ,—она, идя въ бой, будетъ стремиться ускорить приближеніе конца только полнымъ своимъ успѣхомъ; наблюдайте, полюбуйтесь, какъ мужественно идутъ въ бой и дерутся тѣ части, которыя знаютъ, что иного конца не можетъ быть и что смѣны не бываетъ; изрѣдка въ очень крайнемъ случаѣ представляется нужнымъ и возможнымъ нѣсколько подкрѣпить, усилить атакующую часть, это другое дѣло; но отступившая часть всегда вся цѣликомъ должна быть вновь обращена въ атаку.

Штейнмецъ, по обыкновенію, высказалъ все это такъ твердо, съ такой спокойно убѣжденной силой, что становилось понятнымъ, къ какимъ подвигамъ способенъ привести всякаго этого стальной человѣкъ; на сколько способенъ онъ разбудить и подчиненнаго и равнаго къ тому, чтобы всѣ его силы направились исключительно къ достиженію полнѣйшаго успѣха.

Къ этому Мих. Ив. добавлялъ и въ частной бесѣдѣ и въ официальном отчетѣ: воплѣ оцѣнивая по достоинству всѣ усовершенствованія вооруженія, Штейнмецъ всегда считалъ наиболѣе важнымъ приученіе солдата беззавѣтно и безостановочно идти впередъ подъ бой барабана (*tambour battant*) ¹⁾.

Въ слѣдующіе послѣ Кѣнигсгреца дни М. И. Драгомировъ слышалъ отъ другихъ, а между прочимъ и отъ графа В. П. Голенищева-Кутузова, что впервые такими атаками Штейнмецъ прославился

¹⁾ Отчетъ полковника М. И. Драгомирова объ австрійской войнѣ, смотри главу „Характеристика личностей, стоявшихъ во главѣ прусской арміи“.

въ 1848 году во время Датской войны, командуя 2-мъ гв. полкомъ при Дюпелѣ, гдѣ и получилъ за это орденъ „Pour le merite“.

До того времени ген. Драгомировъ держался противоположнаго взгляда, т. е. считалъ, что атаки вообще нужно возобновлять обязательно свѣжими частями; видѣнные имъ штурмы Скалицкихъ высотъ и слышанные имъ по поводу ихъ отзывы Штейнмеца убѣдили его въ томъ, что эти теоретическіе взгляды надо бросить.

Въ 1877 году, приступая къ переправѣ черезъ Дунай, онъ подготавливалъ свою 14-ую дивизію къ такому Штейнмецкому приему; но примѣнить этого ему не случилось: во-первыхъ, въ случаѣ какой-либо неудачи 15-го іюня отступить было бы некуда, такъ какъ въ тылу на пути отступленія, оставался лишь Дунай, а во-вторыхъ, турки, къ счастью, и не оказали такого сопротивленія, которое могло бы вызвать даже намекъ на необходимость отступленія.

Появившись въ августѣ того года на Шипкѣ, М. И., въ самое короткое время пребыванія на ней ¹⁾, услышалъ отъ занимавшаго тамъ позицію въ теченіе недѣли генерала Ник. Григ. Столѣтова, что Сулейманъ атаковалъ его позицію, не давая роздыха войскамъ.

Ген. Драгомировъ, тогда же, осматривая позиціи, успѣлъ подробно рассказать Ник. Григорьевичу о видѣнныхъ имъ въ 66 году Штейнмецкихъ атакахъ.

Разсказывая вообще о Штейнмецѣ и объ его рѣшительномъ характерѣ, а также объ проявлявшейся имъ во всѣхъ распоряженіяхъ твердости, М. И. говоритъ: вотъ типъ генерала, которому подобнаго не можетъ явиться и развиться въ австрійской арміи.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Известно, что М. И. Драгомировъ 13-го августа на Шипкѣ, по прибытіи, былъ тяжело раненъ въ ногу и тотчасъ же свезенъ въ м. Габрово.